

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

А. И. ДОВАТУР

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В советской исторической литературе часто отмечается один существенный недостаток зарубежных работ по истории афинской демократии — отсутствие в них интереса к конкретной социально-экономической истории, приводящее либо к голому эмпиризму, изложению фактов без всякого объяснения, либо к неправильному их объяснению. При этом мы нередко встречаемся с порочным приемом модернизации истории, когда социально-экономические категории древности заменяются современными и оперирование этими последними заступает место подлинного исторического исследования. Такого рода работы, игнорирующие специфику производственных отношений древнего мира, часто оказываются своеобразной апологией современных капиталистических отношений путем ссылки на их извечность.

Другим пороком ряда современных буржуазных работ по истории афинской демократии (как, впрочем, и по общей истории Греции или по истории отдельных греческих государств) является игнорирование социального антагонизма и его проявлений даже в наиболее острые моменты борьбы, о которых прямо говорят нам Гесиод, Солон, Феогнид. Мало того, деятельность Солона иногда изображается таким образом, что ее тесная связь с социальной борьбой конца VI—начала V в. совершенно ускользает от читателя. Вопреки достоверным и недвусмысленным историческим данным, оказывается, что греческое крестьянство уже в VII в. до н. э. утрачивает свою связь с землей, так что задолго до V в. в греческом обществе имеются налицо все предпосылки для превращения обезземеленных крестьян в наемных рабочих. Афинская народная масса является, с точки зрения этих авторов, «пролетариатом»; захват последним в свои руки контроля над государственной жизнью Афин в конечном счете и приводит Афинское государство к краху.

Характер работ указанного типа таков, что их естественно отнести не столько к науке, сколько к наукообразной тенденциозной публицистике. В них отсутствует элемент научного исследования. Они не доказывают, а утверждают и даже содержат иногда прямое заявление о том, что автора интересуют только те античные тексты, которые подтверждают его положения.¹ В других случаях авторы подобных работ, игнорируя специфику античного мира как особого этапа в социально-экономическом развитии человеческого общества, выводят особенности исторических судеб греческого народа из изначально-заложенных в нем интеллектуальных и моральных расовых свойств и инстинктов, составляющих в своей совокупности «дух» или «характер» народа.²

Гораздо больший интерес представляет для нас другая категория работ западных ученых, где в основу положено исследование, дающее возможность авторам обогатить науку — использовать неизученные источники, иногда по-новому подойти к известным источникам, установить новые факты, частично истолковать их. Однако и сочинения такого типа обычно также страдают непониманием социально-экономической обусловленности исторических событий и явлений, а потому и не дают последним надлежащего освещения. Смена форм правления в Афинах изучается вне связи с социальной борьбой, так что в результате получается история саморазвивающихся политических форм; политические деятели мыслятся только как носители определенных идей, а не как представители определенных социальных групп и выразители их интересов.³ Неумение считать за своеобразием античного способа производства, недоучет роли рабского труда снижает ценность работ по экономике древней Греции, в частности Афин, написанных авторами, компетентность которых в вопросах землевладения и истории финансов не вызывает никакого сомнения.⁴ Дело доходит до того, что в некоторых работах даются картины производственной жизни древ-

¹ См.: В. Н. Ярхо, «Вестник древней истории» (в дальнейшем ВДИ), 1949, № 2, стр. 114 сл. (Обзор американских работ); М. К. Трофимова, ВДИ, 1953, № 2, стр. 136 сл. (рец. на M. Hammond. City-State and World State in Greek and Roman political theory until Augustus. Harvard University Press, 1951); А. Н. Немировская, ВДИ, 1953, № 3, стр. 137 сл. (рец. на: H. Bengtson. Einführung in die alte Geschichte. München, 1949).

² См.: М. И. Рижский, ВДИ, 1954, № 1, стр. 86 сл. (рец. на: H. D. F. Kitte. The Greeks. London, 1951).

³ См.: А. Каждан, ВДИ, 1953, № 1, стр. 137 сл. (рец. на: H. Bengtson. Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. München, 1950).

⁴ См.: Я. А. Ленцман, ВДИ, 1947, № 1, стр. 104 сл. (рец. на: H. Mitchell. The Economics of Ancient Greece. Cambridge, 1940).

негреческого полиса, в которых хозяин-рабовладелец изображается работающим совместно со своими рабами почти в одних и тех же условиях.⁵

Ценные, основанные на тщательном изучении известного и впервые публикуемого документального материала работы по истории земельных отношений и кредита в древней Аттике вызывают возражения в отношении тех своих частей, где, вопреки ясным свидетельствам источников, фактически отрицается обострение классовых противоречий в определенные эпохи и дает себя знать тенденция затушевать резкий социальный антагонизм.⁶ Аналогичный отзыв, с полным признанием положительных сторон работы автора, но с осуждением его тенденции пользоваться любым поводом для приукрашивания положения рабов, дается нашим критиком капитальном западноевропейскому труду о рабах, трудившихся в Лаврийских рудниках.⁷

Политическая и социальная борьба в Афинском государстве в разные периоды его существования сводится для некоторых авторов к борьбе между выдающимися государственными деятелями, роль которых представляется решающей в истории развития государства.⁸

Указанных ошибок не избегают и ученые, сочувственно относящиеся к афинской демократии; не понимая специфики рабовладельческого государства, они не в состоянии осмыслить и историческое место афинской демократии. При объяснении ее развития они отводят заметную роль воле законодателей и разного рода случайным обстоятельствам.⁹ Вполне естественно, что эти авторы с особым интересом останавливаются на деятельности Перикла. Последний изображается как главная сила, направлявшая жизнь современной ему демократии. Причину катастрофы 404 г. ищут в какой-либо ошибке, сделанной Периклом,

⁵ См.: Я. А. Ленцман, ВДИ, 1950, № 2, стр. 195 сл. (рец. на: G. W. Botsford and Ch. A. Robinson. Hellenic History. N. Y., 1948); М. К. Трофимова, ВДИ, 1953, № 4, стр. 90 сл. (рец. на: K. Freeman. Greek City-States. London, 1950).

⁶ См.: Л. М. Глускина, ВДИ, 1957, № 4, стр. 154 сл. (рец. на: J. V. Fine. Horoi, American School of Classical Studies at Athens. Suppl. IX, 1951; M. J. Finley. Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500—200 B. C. New Brunswick—New Jersey, 1952).

⁷ См.: Л. М. Глускина, ВДИ, 1959, № 3, стр. 181 сл. (рец. на: S. Lauffer. Die Bergwerkssklaven von Laureion, I—II, Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse, Jahrg. 1955—1956).

⁸ См.: А. К. Бергер, ВДИ, 1956, № 1, стр. 75 сл. (рец. на: C. Hignett. A History of the Athenian Constitution to the end of the fifth century. Oxford, 1952).

⁹ См.: Л. Н. Казамаманова, ВДИ, 1953, № 3, стр. 147 сл. (рец. на: P. Cloché. La démocratie athénienne. Paris, 1951).

и находят ее в том, что Перикл допустил двоевластие народной массы и ее демагога.¹⁰

Такой взгляд на Перикла как на своего рода единовластного правителя Афин, от которого зависела судьба государства, мы встречаем не только в общих трудах по истории афинской демократии, но и в книгах, специально посвященных веку Перикла.

Книга Леона Омо «Перикл. Опыт направляемой демократии» (Léon Omo o. Périclès. Une expérience de démocratie dirigée. Paris, 1954) представляет собой образец талантливой монографии о жизни и деятельности знаменитого руководителя афинской политики. От первой до последней страницы книга читается с неослабевающим интересом. Дело не только в ее литературных достоинствах. Мастерски владея источниками, все время опираясь на них, время от времени цитируя их с большим тактом, не утомляя внимания читателей, Омо дает сделанный во весь рост хорошо запоминающийся портрет политика и человека, показывает нам среду, в которой родился и вырос Перикл, первые его шаги на политическом поприще, апогей его деятельности, анализирует его политическую программу во внутренней и внешней политике, не забывая также о программе строительной и культурной. Подзаголовок труда Омо, как и эпиграф, взятый из Фукидида (II, 6), ясно говорит нам о замысле автора: изобразить первенствующего мужа Афинского государства, благодаря которому это государство могло сыграть свою роль в политической и культурной жизни Эллады. На протяжении всей книги мы видим главным образом фигуру Перикла и только на втором плане Афины и афинян. Личным качеством этого крупнейшего деятеля приписывается во всем решающее значение. Говоря о том, что Перикл не имел достойных преемников, Омо замечает: «Перикл никем не заменен. Почему?... Перикл не заменен потому, что он незаменим» (стр. 330). Дальше, правда, отмечается еще одна причина: единовластие Перикла помешало Афинам его времени стать школой воспитания политических деятелей, так что последующие демагоги в лучшем случае могли лишь частично заполнить пустоту, образовавшуюся после смерти Перикла. Однако и это объяснение является в конечном счете ссылкой на свойства Перикла и его образ действий.

Социальная действительность Афин обрисована в книге Омо лишь мимоходом и притом очень схематично. В сущности автор оперирует двумя понятиями — партия аристократическая

¹⁰ А. К. Бергер, ВЛИ, 1953, № 4, стр. 94 сл. (рец. на: G. Giannelli. Trattato di storia greca, 2 ed., Roma, 1951).

и партия демократическая (стр. 37 сл., 44, 98 сл.), не раскрывая конкретного исторического содержания этих понятий. Так поступает, правда, и Аристотель в своей Афинской Политии. Однако у древнегреческого историка было по сравнению с новейшими историками одно большое преимущество: две борющихся общественные силы, по крайней мере в том виде, в каком они существовали в IV в. до н. э., были для его читателей живой действительностью, тогда как для читателей наших исторических трудов они могли бы стать чем-то осязаемым и полным кровным только в результате основательного исторического и филологического анализа имеющихся у нас свидетельств.

Той же особенностью отличается и сжатый популярный очерк известного французского историка Поля Клоше «Век Перикла» (Paul Clouhé. Le siècle de Périclès. Paris, 1949). В отдельных главах рассматривается жизнь Афин времен Перикла, а отчасти — и до Перикла, причем собственно политической и экономической истории уделено очень немного места (стр. 6—11, 41—57, т. е. 24 страницы из 127), большая же часть книги посвящена идеологическим вопросам. В разделе, посвященном экономике Афин V в., автор останавливается и на вопросе о социальном составе афинского общества (стр. 53—57), но этот, хотя и не вызывающий сам по себе возражений раздел, является очень кратким и, что сразу же бросается в глаза, никак не связанным с другими частями книги.

Сознательное или бессознательное отстранение социального момента сказывается особенно печальным образом на тех работах, авторы которых хотят сказать новое слово в области истории афинского государственного строя, в частности — времен ранней демократии. Филологические методы исследования, сопровождаемые остроумными, но по большей части произвольными историческими соображениями, приводят зачастую к парадоксальным выводам, противоречащим наиболее важным результатам, достигнутым трудом ряда предшествующих поколений историков.

Появление работ такого рода на страницах солидных исторических журналов нельзя не считать симптоматичным. Овладение приемами филологического исследования является, как известно, *conditio sine qua* поп для историка древнего мира. Умелый анализ литературных и документальных текстов, сближение текстов, между которыми до сих пор не предполагалось никакой связи, могут дать исследователю, обладающему научным тактом, важные результаты, имеющие значение не только для филолога, но и для историка.

В качестве иллюстрации остановимся на двух в высшей степени любопытных работах. Путем анализа текста Афинской

Политии Аристотеля К. фон Фритц (K. v. Fritz. The composition of Aristotle's Constitution of Athens and the so called Dracontian Constitution, *Classical Quarterly*, 49, 1945, стр. 75 сл.) добыл очень веское и, как мне кажется, решающее доказательство в пользу принадлежности 4-й главы этого трактата, излагающей конституцию Драконта, к первоначальному тексту Афинской Политии. Эта глава не является, следовательно, позднейшей вставкой, а написана самим Аристотелем. Действительно, оказалось, что все те признаки, по которым заключали о вставке чужой рукой этой главы в текст Аристотеля, наблюдаются и в главе 3-й. Таким образом, мы стоим перед дилеммой: либо признать и главу 3-ю неподлинной, либо, что будет наиболее разумным, — сделать определенное заключение о процессе работы Аристотеля над его трактатом. Очерки об отдельных этапах истории афинской конституции, во всяком случае о наиболее ранних, писались первоначально независимо один от другого; при включении их в единый последовательный рассказ остались в разных местах (а не только в 4-й главе) неувязки и несогласованности. Чисто филологический анализ текста привел исследователя к выводу, интересному с точки зрения источниковедения. Разумеется, как это подчеркивает и сам Фритц, подлинность 4-й главы Афинской Политии в смысле принадлежности ее Аристотелю не гарантирует нам исторической достоверности самой конституции Драконта.

Другой пример плодотворного применения филологической методики исследования для получения результатов, интересных историку, находим в статье Гооссенса (R. Goossens. *La République des paysans*. «*Revue internationale des droits de l'Antiquité*», III, 1950, p. 551 сл.). Автор впервые сближает некоторые поэтические тексты с деловыми и историческими. Хвалебные упоминания о крестьянах, собственными руками обрабатывающих свои земельные участки, у Эврипида в трагедиях, поставленных на сцену в 413 (Электра) и 40 (Орест) гг., с прямыми и косвенными выпадами, не только против олигархов, но и против сторонников «средней» конституции, сопоставляются с сообщением Дионисия Галикарнасского (О Лисии, 32) о предложении Формисия в 404 г. передать власть в руки землевладельцев (проект явно враждебный городскому демосу). За несколько лет до окончания Пелопоннесской войны сторонники ориентации на сельского хозяина вели, очевидно, агитацию в определенном направлении и один из живших тогда крупнейших трагических поэтов активно участвовал в этой агитации.

Однако, не эти и подобные работы, идущие в русле хороших научных традиций, мы назвали выше симптоматичными. Филологический аппарат исследования, примененный некстати (при-

том не всегда безукоризненным образом) с претензией извлечь с его помощью то, чего он дать не может, неумение ввести в должный момент исторические коррективы, которые предостерегли бы от дальнейшего движения по неверному и опасному пути — вот характеристика тех, как нам представляется, решительно порочных работ, о которых сейчас будет речь. Здесь уместно будет привести слова одного нашего историка, написанные по поводу одного западноевропейского труда о Фукидиде: «Читатель не может не заметить разрыва между солидной филологической техникой автора и его примитивными приемами исторического исследования».¹¹

Мы оставляем в стороне сравнительно безобидные примеры чисто антикварных исследований, в которых не вытекающие из материала, но и не влияющие существенным образом на самый ход рассуждений личные мнения авторов не мешают читателю получить вполне достоверные фактические сведения о тех или иных частях или формальных процедурах афинского государственного аппарата.

Остановимся на двух примерах, полностью подходящих под данную выше характеристику и в силу этого требующих подробного разбора и опровержения.

Ф. Р. Вюст. Мысли об аттических сословиях. Опыт (F. R. Wüst. Gedanken über die attischen Stände. Ein Versuch. «Historia», VIII, 1959, S. 1 сл.). Содержание статьи следующее. Древние аттические сословия должны были действительно существовать, так как в наших источниках имеется вполне конкретное сообщение о коллегии архонтов, выбранных после падения узурпатора Дамасия из названных трех сословий (пять эвпатридов, три геомора, два демиурга). Относительно демиургов Вюст высказывает такое соображение: многочисленность их (судя по количеству их представителей в коллегии десяти) позволяет усомниться в том, чтобы они были ремесленниками (как это часто думают), а скорее наталкивает на мысль, что под этими «народными работниками», «работниками на народ» (Volksarbeiter) следует понимать работников сельского труда, не владевших землей. Тогда как большая часть источников связывает введение трех сословий с именем Тесея, один поздний автор — Иоанн Лаврентий Лидиец (VI в. н. э.) в своем сочинении «О должностных лицах Римского государства» приписывает установление этих сословий Солону, ссылаясь при этом на вторую книгу «Библиотеки» Диодора. Правда, во второй книге Диодора нет речи ни о Солоне, ни о сословиях, а в первой

¹¹ К. К. Зельин, ВДИ, 1951, № 1, стр. 200 (реф. на: J. de Romilly. Thucydide et l'impérialisme athénien. Paris, 1947).

(гл. 29) о сословиях говорится, но, как указывает сам Вюст, начало их не возводится к Солону. Следовало бы для точности сказать, что, по словам Диодора, египтяне основывали свое мнение о происхождении афинян от египтян, выходцев из Саиса, на существовании у афинян названных выше трех сословий, аналогичных египетским сословиям, иными словами — вложенное в уста египтян мнение исключает возможность возвести начало аттических сословий к эпохе Солона. Вюсту остается одно — предположить, что свои сведения Иоанн Лидиец почерпнул из утраченной девятой книги Диодора, где последний рассказывал о Солоне. Так или иначе, Диодор, как думает Вюст, ничего не знал о традиции, согласно которой разделение афинян на сословия было произведено Тесеем. На этом своем выводе автор настаивает, несмотря на неясность показаний Иоанна. Какой-нибудь попытки проверить правильность ссылок этого писателя вообще мы в статье не найдем. На таком слабом основании строится предположение о том, что Солон имел какое-то отношение если не к созданию трех сословий, то к приобщению демиургов к политической жизни. Демиурги — те же феты. Солон, по-видимому, впервые включил демиургов — фетов в состав фил: до него в состав последних входили только эвпатриды и геоморы. Автор склонен думать, что триттии представляли собой деление каждой филы по сословиям.

Сам Вюст в какой-то степени сознает трудность, возникшую в результате его гипотезы. Приходится признать, что наряду с так называемыми классами Солона продолжали существовать как официальные социальные единицы и прежние сословия. В качестве единственного выхода из затруднения в статье имеется ссылка на то, что после реформы Клисфена старые доклизфеновские филы и триттии не были отменены, т. е. наряду с новым порядком продолжал действовать и старый. Однако такая чисто формальная ссылка на историческую параллель не спасает положения. Хорошо известно, что десять фил Клисфена в делах государственного характера вполне заменили собой старые четыре филы. Последние продолжали играть некоторую, притом ограниченную, роль лишь в религиозной жизни народа. Словом, со времени Клисфена в полном смысле актуальными были новые филы, старые же превратились в исторический реликт. Совершенно иная картина получается, если стать на точку зрения Вюста по вопросу о реформе Солона. Реформатор ввел четыре так называемых класса, взяв за основу деления имущественный ценз. Весь смысл реформы заключается в замене старого сословного строя новым — по экономическому признаку. Если бы триттии были составлены на основе старого сословного деления, то это последнее сохранило бы реальное значение и

оказалось бы в состоянии чинить препятствия функционированию нового порядка; старое выступило бы соперником нового, и сам реформатор оказался бы своим собственным противником. Гипотеза Вюста не могла бы появиться на свет, пожелай сам автор вдуматься в сущность одного из коренных социальных переворотов в истории Афин. Можно втиснуть три сословия в двенадцать триттий, но нет никакой возможности доказать, что между триттиями в пределах одной филы существовал антагонизм. Мало того, после Солона мы больше не слышим о делении афинян на сословия, что было бы неизбежно, будь эти сословия представлены обособленными триттиями. Если иногда самое слово «эвпатриды» и встречается нам, например, в сколии у Аристотеля (Афинская Полития, 19, 3) для обозначения аристократов времен Писистратидов, то это еще не дает нам права делать далеко идущие выводы. Слово, утратившее значение официального термина, могло быть в ходу в кругах афинской знати через несколько десятков лет после реформ Солона, но нельзя ручаться за то, что оно продолжало бытовать в IV в.: Аристотель, употребив прошедшее время «пели», тем самым свидетельствует, что застольная песня принадлежала к числу вышедших из употребления.

Еще более характерным в смысле открытого пренебрежения социальными моментами при наличии солидного (с внешней стороны, во всяком случае) филологического фундамента является построение, предложенное Э. Рушенбушем в его статье «Прародительский государственный строй. Тесей, Драконт, Солон и Клисфен в публицистике и историографии V и IV вв. до н.э.» (E. Ruschenbusch. Patrios Politeia. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in der Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. Historia, VIII, 1958, S. 398 сл.).

Автор задается целью пересмотреть традицию о четырех афинских реформаторах с тем, чтобы точно установить тот момент, с какого каждый из них стал считаться творцом определенной конституции. Статья начинается рассмотрением традиции о Солоне, которому отведено больше всего места. Эта часть статьи является наиболее важной; здесь Рушенбуш оперирует наибольшим количеством материала и пускает в ход свои наиболее сильные аргументы. На основании составленной им таблицы упоминаний о Солоне у аттических ораторов IV в. Рушенбуш приходит к следующим заключениям: во-первых, до 356 г. до н. э. ораторы вспоминают о Солоне очень редко, после 356 г. — гораздо чаще; во-вторых, до 356 г. имеются только ссылки на законы Солона, после этой даты о Солоне говорят как о создателе демократии, творце демократической конституции, «представителе народа». Эти выводы по-

лучают затем подкрепление в результате разбора свидетельств о Солоне, встречающихся в историографии и комедии. По мнению Рушенбуша, 356 год был переломным в отношении афинян к Солону.

Переходя затем к Тесею, автор дает анализ немногочисленных свидетельств об этом царе-реформаторе. Свидетельства эти, называющие Тесея основателем демократии, точнее того смешанного государственного устройства, которое получило название «прародительского устройства», относятся к 342 и следующим годам. Если представление о Тесее-демократе восходит уже к V в., то с 342 г. констатируется существование специфического образа Тесея — основателя умеренной демократии, дело которого продолжили Солон и Клисфен; умеренной демократии пришел конец только после того, как Афины достигли господства на море и Эфиальт сломил силу Ареопага, положив тем самым начало радикальной демократии. Сравнивая показания Исократ и Аристотеля, Рушенбуш приходит к заключению о том, что оба автора пользовались одним и тем же источником, который изображал Тесея умеренным демократом и был опубликован незадолго до 342 г.

На третьем месте — Клисфен. В течение долгого времени, как доказывает ряд мест из античных писателей, Клисфен считался основателем афинского демократического строя вообще. Такое представление о нем прослеживается по источникам, правда немногочисленным, с 440 до 353 г. С 356 г. выдвигается на первое место Солон. С этих пор идут два истолкования деятельности Клисфена: он считается либо только восстановителем солоновской конституции, либо восстановителем и продолжателем, придавшим государственному строю Афин более демократический характер.

Драконту в статье посвящена одна страница. Имя Драконта никогда не было политическим знаменем, и сама его конституция могла появиться не ранее 328 г. В Афинскую Политию Аристотеля она могла попасть, согласно предположению Якоби, к которому присоединяется Рушенбуш, из книги Деметрия Фалерского «Об афинских конституциях».

В итоге Рушенбуш приходит к следующему выводу: нет оснований говорить о том, будто Тесей, Драконт, Солон, Клисфен вызвали к себе особый интерес у афинского общества конца V в. (413—404 гг.), в пору государственных переворотов и связанных с ними политических дискуссий. О Солоне и Клисфене как о реформаторах заговорили после 356 г., о Тесее — после 343 г., о Драконте еще позже — после 328 г. По крайней мере, конституция каждого из них в указанное время стала служить целям политической пропаганды (исключение, возможно,

составлял Драконт, имя которого, как отмечено выше, едва ли когда-нибудь служило политическим лозунгом). Только о Клисфене можно с уверенностью сказать, что он гораздо раньше, уже с середины V в., считается родоначальником демократии. Что же касается Тесея, Солона, Драконта, то они как создатели конституций были открыты именно в указанные выше годы. Отсюда следует, что все имеющиеся у нас сведения о конституции Солон и о нападках на него, известных лучше всего по Афинской Политии Аристотеля, возникли в середине IV в.; в частности, враждебные выпады могли бы впервые появиться в экскурсе Феопомпа о демагогах (для этого экскурса Якоби устанавливает 343 г. как *terminus ante quem*).

Рушенбуш дает таблицу, наглядно иллюстрирующую результаты его рассуждений. Начало демократии постепенно отодвигалось все дальше в глубину веков. Первоначально (см. уже у Геродота и Гелланика) отцом демократии считался Клисфен. В 356 г. он уступил свое место Солону. В 343 г. Солон вытеснил Тесей. При этом всякий раз история афинской конституции получает новое истолкование: Клисфен, основатель демократии как таковой, отодвигается на задний план Солонем, основателем умеренной демократии; однако тот же Солон почти одновременно с этим объявляется родоначальником радикальной демократии; затем роль учредителя умеренной демократии переносится на Тесея, последователями которого оказываются Солон и Клисфен.

Даты 356 и 343 года, которым Рушенбуш придает значение резких граней в истории традиций об афинских реформаторах, требуют объяснения. Каких-либо крупных исторических событий, вызвавших открытую политическую дискуссию, в эти годы не было. Это подчеркивает и сам Рушенбуш. Он изображает дело таким образом, что обсуждение вопроса об истоках афинского демократического строя происходило не в гуще политической жизни, не среди политических дебатов, а в ученой среде историков. Если оставить в стороне Исократ, то участниками споров являются Клидем, Феопомп, Андротион. Особенно важную роль сыграло влияние Климедма и Андротиона. Клидем, начинавший историю афинской демократии с Солон, издал свою Аттиду в 355 г. Аттида Андротиона появилась в 343 г.

Стройное и последовательное, снабженное на каждом этапе соответствующей документацией рассуждение Рушенбуша завершается вопросом: не являются ли все сообщения, которыми мы располагаем относительно деятельности афинских реформаторов VI в., плодом домыслов историков IV в.? В иной форме тот же вопрос звучит так: не являются ли все наши сведения о древних

афинских конституциях построениями историков IV в., не основанными ни на какой традиции?

Таким образом, Рушенбуш ставит под большое сомнение все предание о внутренней истории Афинского государства на протяжении всего VI в. Вместе с тем он освобождает традицию о Солоне и других афинских реформаторах от непосредственного влияния реальной политической жизни, столкновения социальных и политических интересов и превращает ее в ученую комбинацию, не слишком далекую от простой игры ума. Возможно, что в сознании автора творцы этих ученых комбинаций связываются с какими-нибудь политическими течениями, но это не получило в самой статье никакого отражения. Рушенбуш не задается двумя, казалось бы, самыми естественными вопросами: 1) что побудило Клидема, Андротиона и других заняться реконструкцией (или выдумыванием) древних афинских конституций? 2) почему высказанные аттидографами мнения, не корнившиеся в установившихся до них представлениях и даже шедшие вразрез с этими представлениями, сразу же завоевали общее признание и начали преподноситься ораторами народному собранию и судьям, т. е. всему афинскому гражданству, как нечто неизбежное и не вызывающее сомнений?

Сделав фактически историческую традицию о внутренней истории Афин VI в. достоянием теоретической мысли, независимой от борьбы социальных сил, наш автор попытался опереться на цепь аргументов филологического порядка, уложив в удобобозримые таблицы результаты своих наблюдений над текстами ораторов, историков, отчасти и поэтов. Однако система доказательств, на которых покоится построение Рушенбуша, при более внимательном рассмотрении оказывается не столь несокрушимой, как это может показаться с первого взгляда. Прежде всего скудость наших источников не оправдывает тех категорических выводов, которые делаются на основании арифметических подсчетов упоминаний о реформаторах в речах и исторических сочинениях. Даже такой основной, с точки зрения автора, аргумент, как ссылка на немногочисленность упоминаний о Солоне в речах до 356 г. (в трех из семидесяти пяти) и большое количество их после этой даты (в семнадцать из шестидесяти четырех) теряет свою силу, если мы примем во внимание и недостаточную полноту наших источников, и отсутствие у Рушенбуша анализа замысла и стиля речей, без чего его наблюдения говорят очень мало; брошенное вскользь замечание, что ораторы имели много поводов говорить о Солоне и до 356 г., само по себе ничего не объясняет.

Не менее существенным возражением против построения Рушенбуша может служить и его слепая вера в абсолютную точ-

ность дат выхода в свет сочинений Клизема и Андриотона — 356 и 343 гг. Даты эти — предположительные, полученные при помощи умозаключений. Передвижение их в ту или иную сторону (а это вполне возможно) подрывает самую основу выводов Рушенбуша.

Более подробно следует заняться еще одной стороной дела. Важным моментом в аргументации Рушенбуша является положение о том, что Солон до определенного времени нигде не называется творцом афинской конституции; его называют лишь создателем законов. Вслед за Фуксом (на которого имеется ссылка на стр. 408, прим. 38), Рушенбуш разграничивает смысл выражений «управляться» (*πολιτεύεσθαι*) и «пользоваться законами» (*νόμοις χρῆσθαι*) таким образом, что понятия, охватываемые этими выражениями, исключают одно другое, не совпадают между собой даже частично. Место из псефизмы Тисамена (Андокид, I, 87) — «управляться афинянам согласно прародительским установлениям, а законами пользоваться солоновскими» — *πολιτεύεσθαι Ἀθηναίους κατὰ τὰ πάτρια, νόμοις δὲ χρῆσθαι τοῖς Σολωνος* — он толкует в том смысле, что здесь противопоставляются конституционные установления и законы; только последние приписываются Солону и отсюда будто бы вытекает, что к конституции Солон не имел никакого отношения. В качестве параллели можно было бы вспомнить и одно место из Политики Аристотеля, где сказано: «имеются законы Драконта, но он установил законы для существовавшего уже государственного строя» (II, 9, 9, 1274в, 15sq) — *Δράκοντος νόμοι μὲν εἰσι πολιτεία δὲ ὑπαρχούσῃ τοῖς νόμοις ἐθήχεν*. Драконт, как и упоминаемый ниже Питтак, действительно считался только создателем законов, но не конституции. Однако достаточно ли таких примеров для утверждения, что упоминание о государственном деятеле как о творце законов, законодателя означает непризнание за ним роли создателя государственного строя? Ведь приведенные выше места можно а priori, еще до каких-либо разысканий, интерпретировать таким образом, что в первом случае в «прародительские установления» входят и установления Солона, отразившиеся в его законах, а во втором — что законы вообще могут содержать в себе и элементы конституции, но в законах Драконта их не было.

Не эти и подобного рода другие места (например, Политика, II, 9, I, 1273в, 32 sqq.; Афинская Полития, 7, I) дадут нам ключ к пониманию взаимоотношения между понятием (и термином) «законы» — *νόμοι*, с одной стороны, и понятием (и термином) «конституция», с другой. Разграничение между этими двумя понятиями предлагает Аристотель в Политике: *πολιτεία μὲν γάρ ἐστι τάξις ταῖς πόλεσιν ἢ περὶ τὰς*

ἀρχάς, τίνα τρόπον νεμένηται, καὶ τί τὸ κύριον τῆς πολιτείας καὶ τί τὸ τέλος ἐκάστης τῆς κοινῆς ἐστίν· νόμοι δὲ κεχωρισμένοι τῶν ἀγλῶντων τὴν πολιτείαν καθ' οὓς δεῖ τοὺς ἀρχοντας ἀρχεῖν καὶ φυλάττειν τοὺς παραβαίνοντας αὐτούς (IV, 1, 5, 1289a, 15 sqq.). Первая часть этого определения касается конституции: «конституция есть распорядок (или организация) должностей в государствах, каким образом они распределяются, что является носителем верховной власти и какова конечная цель всякого политического объединения». Далее определяются законы: «законы же... (есть то), согласно с чем должностным лицам надлежит управлять и наблюдать за нарушением их». Непереведенными остаются пока слова *κεχωρισμένοι τῶν ἀγλῶντων τὴν πολιτείαν*. Их можно понять в двух смыслах: 1) (законы) отличные от законов, в которых обнаруживается (отражается) конституция, — в таком случае *τῶν ἀγλῶντων* будет родительным падежом множественного числа мужского рода (согласованным с подразумеваемым — νόμων); 2) (законы) отличные от принципов, отражающих конституцию, — в этом случае *τῶν ἀγλῶντων* будет родительным падежом среднего рода (от τὰ ἀγλῶντα).

Если исходить из первого объяснения, то мы получим два значения слова «законы»: законы в широком смысле, в том смысле и законы, в которых отражается (полностью или частично — другой вопрос) конституция; законы в узком смысле, остающиеся за вычетом конституционных законов (т. е. административные, гражданские, уголовные). Такое толкование предложения Аристотеля не может считаться натянутым, если вспомнить, что в его Афинской Политии есть ссыла на закон Солона об избрании казначеев из пентакосиомедимном (47, I), который никак не подойдет под определение закона в узком смысле, содержащееся в разбираемом месте Политики. Мыслимо, впрочем, и второе из изложенных выше толкований слов Аристотеля: законы противопоставляются неким принципам, лежащим в основе конституции и не включаемым в текст законов. В этом втором случае придется признать, что в самой жизненной практике не было и не могло быть смешения двух понятий — конституции и законов, так как конституция ни целиком, ни частично не излагалась в законах.

Для решения этого вопроса необходимо обратиться к жизненной практике, которая влияла на словоупотребление Аристотеля и писателей, близких к нему по времени. Задача заключается в том, чтобы выяснить, действительно ли греки, говоря и думая о законах, совершенно исключали при этом мысль о конституции или установлениях конституционного характера. Если да, то Аристотель в своем определении только констатировал

нечто общезвестное; если нет, то он давал чисто академическое определение, выделяя и отстраняя некоторую часть законов, чтобы иметь возможность противопоставить остающиеся тому, что он называет конституцией.

Ксенофонт в своей Греческой истории говорит о Сикионе — κατὰ τοὺς ἀρχαίους νόμους ἢ πολιτεία ἦν (VII, I, 44), т. е. государственный строй, конституция были основаны на древних законах. У Исократа в Ареопагитике читаем: δημοκρατίαν... ἣν Σόλων μὲν ὁ δημοτικώτατος γενόμενος ἐνομοθέτησε (§ 16) «демократию... которую Солон, бывший наиболее демократичным, ввел своими законами». Конституция дана в старинных законах (Ксенофонт), демократия вводится законами (Исократ). Едва ли после этого может остаться место для сомнения в том, что понятия «закон» и «конституция» не были противостоящими и взаимоисключающими друг друга.

К тому же выводу мы приходим и на основании некоторых мест Политики и Афинской Политии. В Политике Аристотель называет учредителя эфората «законодателем» (II, 6, 15, 1270в, 19) — νομοθέτης. Этим «законодателем» был, по Аристотелю, не Ликург, который считался автором спартанских законов вообще, а царь Феопомп (V, 9, 1, 1313а, 26), известный именно как автор закона об эфорах, внесшего изменение в самую спартанскую конституцию. О том, что среди законов были и такие, которые прямо относились к устройству государства, свидетельствует и Афинская Полития. Недвусмысленно говорится об этом в проекте временной конституции, выработанной комиссией ста в 411 г.: «пользоваться законами, которые будут установлены относительно государственных дел и да не будет позволено ни изменять их, ни устанавливать другие» (31, 1) — τοὺς γε νόμοις οἱ ἂν τεθῶσιν περὶ τῶν πολιτικῶν, χρῆσθαι, καὶ μὴ ἐξ-εἶναι μετακινεῖν μηδ' ἑτέροις θέσθαι. Когда в том же 411 г. было сделано предложение «изучить сверх того и прародительские законы, которые установил Клисфен, когда он учреждал демократию» (29, 3), причем здесь же (Аристотелем или автором предложения) делается замечание, что конституция Клисфена была близка к конституции Солона, то, интерпретируя эти слова, мы не избежим вывода, что в законах Клисфена надлежало искать прямого отражения конституции Солона.

Далее, подводя итоги деятельности Солона, Аристотель устанавливает в ней три хронологических этапа: до законодательства (νομοθεσία) Солон провел отмену долгов, а после этого (т. е. по общепринятому толкованию — после законодательства) — изменение мер длины и веса и монетную реформу (10, 1). В этом перечне естественно было бы ожидать упоминание о реформе конституции. Можно ли думать, что о последней

Аристотель не счел нужным упомянуть? Не проще ли представить себе дело так, что в понятие «законодательство» включена и мысль о реформе государственного строя?

Еще одно обстоятельство. О Писистрате в Афинской Политии сказано, что он управлял «согласно законам» (16, 8) — *κατὰ τοὺς νόμους*. Имеются в виду законы Солона и те из законов Драконта, которые не утратили своей силы. После смерти Писистрата сыновья его вели дела таким же образом (19, 1). После падения тирании Клисфен устанавливает новые законы, так как, по словам Аристотеля, «тирания свела на нет законы Солона тем, что ими не пользовались» (22, 1) — *συνέβη τοὺς μὲν Σολωνος νόμους ἀφανίσαι τῆν τυραννίδα διὰ τὸ μὴ χρῆσθαι*. Такое сообщение является неожиданным после всего сказанного выше об уважении Писистрата и его сыновей к законам. Даже если понять слова о жестокости тирании после заговора Гармодия и Аристокитона (19, 1) в том смысле, что прежние отношения к законам Солона изменилось и тираны начали открыто нарушать их, то все это должно относиться только к трем последним годам правления Писистратидов (513—510 гг.) — срок слишком маленький, чтобы можно было говорить о сведении на нет и забвении законов Солона. Надо думать, Аристотель имел в виду не законы Солона вообще, а специально законы о должностных лицах, которые были фактически отменены сразу же после захвата власти Писистратом. Таким образом, мы снова приходим к тому же: грек называл законом всякого рода законодательные акты, не исключая тех, которые относились к государственному праву. Один из таких забытых законов Солона, касавшийся способа замещения должностей архонтов — путем жеребьевки между выбранными в филах кандидатами, — вновь получил силу только в 487/6 г. (Афинская Полития, 22, 5).

К тому же результату приводит нас и показание Афинской Политии о том, что афиняне после реформ Эфиальта управлялись не так, как прежде, в согласии с законами (*τοὺς νόμους προσέχοντες*), но все же оставляли неизбежным замещение должностей девяти архонтов и только на шестой год после смерти Эфиальта допустили к соисканию на должности архонтов представителей третьего сословия — зевгитов (26, 2). И здесь изменение государственно-правового порядка квалифицируется как отклонение от законов.

Все сказанное нами по вопросу о взаимоотношении между понятиями «конституция» и «законы» не является исчерпывающим исследованием. Подобное исследование в рамках настоящей статьи не только невозможно, но и не нужно. Единственная цель нашего рассмотрения — показать, что для грека, в том числе и для Аристотеля, эти два понятия не являются взаимоисклю-

чающими одно другое. Говоря «закон», грек не выключал тем самым из поля зрения элементы государственно-правового порядка. «Законодательство» не было для грека чем-то противоположным «конституции». «Законодатель» мог вполне быть и создателем конституции.

Следовательно, если Солон до определенного времени нигде в наших источниках прямо не назван создателем конституции, то отсюда не явствует, что его законодательная деятельность рассматривалась как не имевшая отношения к реформе государственного строя и что сам законодатель не признавался творцом определенной конституции. Как бы мы ни решали вопрос о том, с какой полнотой законы Солона отражали его конституцию, как бы далеко ни заходил наш скепсис насчет ясности представлений афинян V в. о конституции Солона, — следует признать одно: нельзя, как это делает Рушенбуш, на основании искусственных дистинкций строить гипотезу о создании конституции Солона аттидографами IV в.

Попытку Рушенбуша подорвать самую основу наших сведений об афинских конституциях VI в. нельзя считать убедительной. Гипотезы Вюста и Рушенбуша, несмотря на потраченный авторами труд и проявленное ими остроумие, не обогатили науку главным образом потому, что оба автора не считаются с реальной социальной обстановкой Афин той эпохи, которой они занимаются; стремление к сенсационным открытиям, без достаточного к тому основания, к сожалению, типичное не только для двух названных авторов, завело их слишком далеко.

Единодушно отмечаемая нашими критиками слабая сторона зарубежных трудов по истории афинской демократии — отсутствие интереса к социальной структуре общества и игнорирование социальной борьбы — не может не сказываться на качестве этих трудов. Особенно сильно дает себя знать этот недостаток у авторов, стремящихся расширить наши знания в области истории афинской демократии и предлагающих слишком смелые гипотезы, от которых их могли бы предостеречь факты социальной истории Афинского государства.